Цена 7 коп.

ВЕСЕЛЫЙ ТКАЧ

№ 8 | ИЗДАНИЕ „РАБОЧЕГО КРАЯ“ | 1924 г.

Конь и всадник, которые нуждаются в хорошем рабочем кнуте.

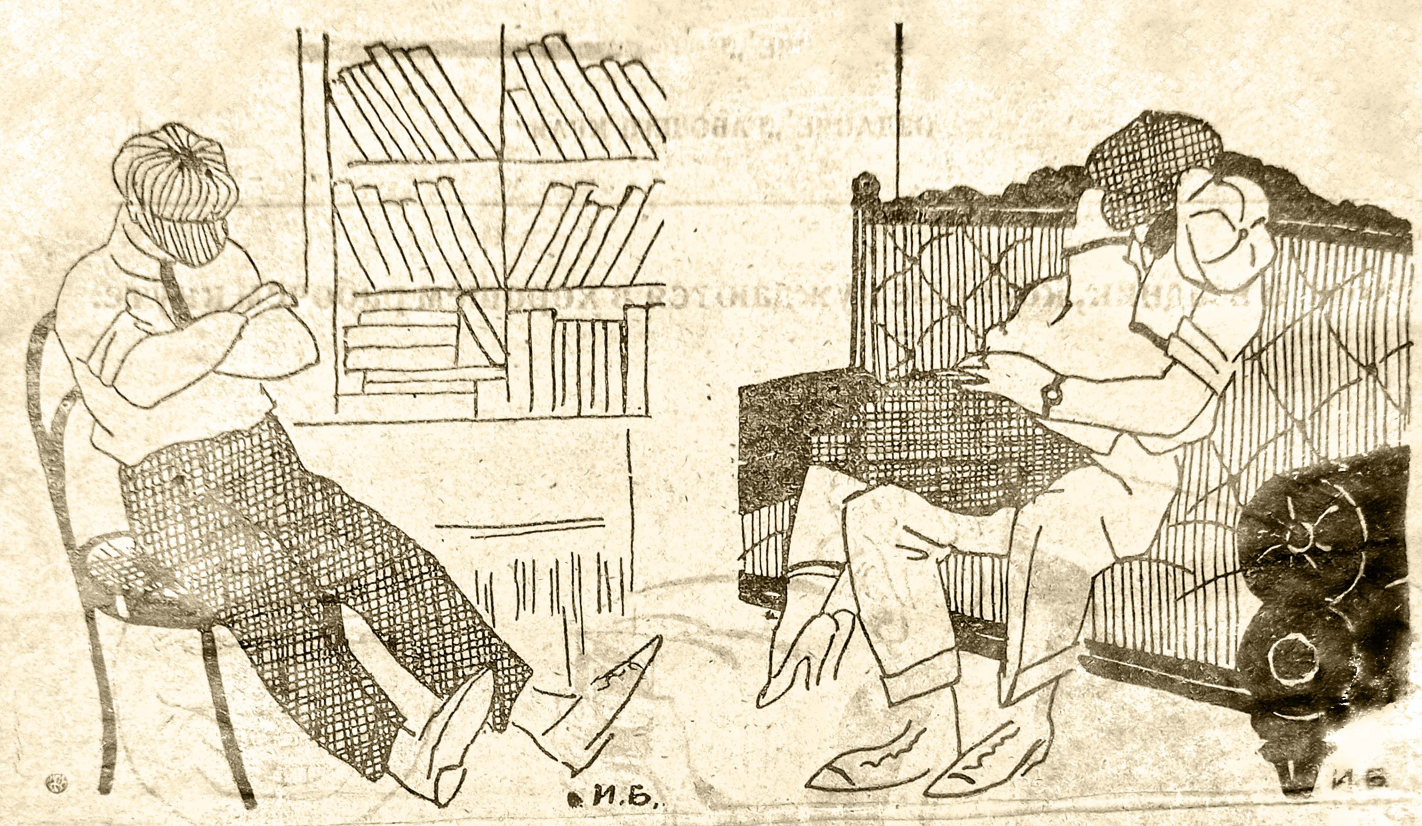

— Удивительное дело. Сижу за столиком, а кажется, будто я на ероплане лечу.

Деятельная секция.

В уездных клубах культурная работа в летние месяцы упала.

Вздох рабкора.

— Ну, если библиотечная секция спит, за то наша драматическая не дремлет.

Ограбили.

I.

— А что я хочу вас спросить!—сказал воздвиженский псаломщик Ипатыч, входя в алтарь к отцу Герасиму.

Отец Герасим разоблачался и ел мятные пряники, которые получил с панихиды в благодарность за поминовение усопших. Длинная, по случаю Троицкой субботы, обедня только что кончилась. Молящихся сегодня было особенно много. Кроме мятных пряников отец Герасим снял с панихиды не менее десяти фунтов мягких сдобных кренделей, изрядно винных ягод, свежих пирогов с изюмом и других лакомств. По этой причине отец Герасим был в приятном расположении духа, какое бывает—например—у артиста бенефицианта, когда он видит над театральной кассой объявление: «все билеты проданы».

— Что ты хочешь, дружок, спросить меня?—ласково обратился батюшка к псаломщику.

— А вот что,—ответил псаломщик, многозначительно прищуриваясь.—Может ли кто либо, пускай даже самый высший чин святой церкви, объявит своей собственностью усопшего.

Отец Герасим склонил голову на бок, почесал правую бровь, почесал за ухом, погладил несколько раз ладонью бороду, пожевал губами и, наконец растопырил руки в разные стороны.

— Не понимаю тебя, Ипатыч,—сознался он.—Ты это в отношении чего испытуешь?

— Сейчас поясню,—сказал Ипатыч и поднял кверху указательный палец.—Наш прихожанин, допустим, помер. Ясно?

— Ясно.

— Хорошо. Помер наш прихожанин и мы его погребли на кладбище. Ясно?

— Ясно.

— Приходов в нашем городе пять, а кладбище у нас одно. Не так ли?

— Так.

— В кладбищенской церкви свой причт есть. Верно?

— Правильно.

— Хорошо. Сегодня Троицкая суббота и православные христиане спешат, насколько вам известно, спешат на могилы с целью поминовения усопших. Понимаете?

— Ну, понимаю. Дальше-то что?

— А дальше вот что!—с торжеством воскликнул псаломщик.—Можем-ли мы допустить неправильную жатву?

— То есть какую жатву?

— Такую жатву, что усопшие всех приходов составляют собственность одного кладбищенского причта! По какому такому праву кладбищенские одни получат доход сегодня за панихиды. И не можем ли мы....

— Беги за дьяконом.—распорядился отец Герасим.—Понял, Ипатыч! Понял, министерская голова!

II.

Кладбищенский дьякон нагнулся к уху отца Пимена, который неспеша выводил тенорком очередной возглас и брякнул густым, сердитым басом:

— Неприятность, отец Пимен. Кончайте обедню скорее.

— Что такое?—вздрогнул отец Пимен.—Какая неприятность?

— Безобразная,—опять брякнул зло дьяконский бас.—Воздвиженский причт на кладбище пришел. Привели с собой покровских и спасских. У сторожки сидят. Гоните живее обедню, чего тянете!

— Что им надо?—изумился батюшка.

Родная картинка.

«Каждый год при разделе покосов у крестьян происходят стычки и драки. Волземкомиссии в нынешнем году должны предотвратить их.»
(Письмо из деревни.)

Красным полымем
Заря вспыхнула,
По лицу земли
Туман стелется.
На цветном лугу
Мужики шумят,
Мужики галдят,
Канителятся.
— Это наш покос!
— Ваш ли? полно-ка!
— Восемь лет назад
Мы косили здесь.
— А по рылу хошь?
— Эй, Сергей, не трожь,
Худо будет... —Что-ж,
Бей!...—И вдарю!... Хлесь!...
Стоном стонет луг,
Косы звякают.
Как трава, кругом
Люди падают.
Ни заря—краса,
Ни туман—роса,
Ни цветы в лугу
Их не радуют.
Земкомиссии,
Эта песня—вам.
Пусть прикончится
Неурядица,
Пусть без драк косят
Мужики траву,
Пусть земля не в кровь,
В зелень рядится!

С. О-кий.

Кому это выгодно?

Крестьяне села М. молебствовали о дожде.
Из газеты.

ПОПИК (вслух):—Господи помилуй:—(Про себя:)—Жалко, что градобития у нас не было. Глядишь, на граде тоже заработал бы.

— Сторож сказал, будто спасские четыре панихиды, а воздвиженские с покровскими по семь штук отзвонили на могилах,—прошипел дьякон.—Кончайте, говорят вам, живее, а то мы с носом останемся.

— Позвольте, отец дьякон, но ведь это же денной грабеж!—простонал отец Пимен.—Кладбище наше! Велите сторожу, чтобы гнал разбойников.

— Мы сами... после обедни... Только ради создателя не ведите время,—гневно сверкнул дьякон сердитыми глазами.—И до чего зря вы любите торжественность в службе. Тьфу!

Дьякон в досаде плюнул на каменный пол алтаря и пошел на амвон читать эктению, мимоходом шепнув дьячку на левом клиросе:

— Поди, скажи регенту, чтобы нотное и всякие там выкрутасы к чертям! Живо—два!

— Есть,—по военному ответил дьячок и плачущим голосом тихо сказал:

— Воздвиженские-то, с-сукины дети, какую подлость сочинили, а? Каково терпеть?

III.

Окруженный кучкой верующих, воздвиженский отец Герасим сидя со своим дьяконом и дьячком на каменной плите одной из могил, задушевным тоном говорил слушателям:

— Пути Господни неисповедимы. Указать и выразить человеческими словами состояние души усопших невозможно, но в писаниях святых отцов церкви все же имеются точные указания на этот предмет. Так, Иоанн Златоуст....

— Отцу Герасиму!—рявкнул отрывисто раздраженный бас кладбищенского дьякона.

Батюшка очень приятно заулыбался, и поднялся с плиты.

— Мое нижайшее почтение,—пропел он ласково, невинными глазами смотря на дьякона, который стоял перед ним, грозно сдвинув брови.

— А спасские с покровскими где?—насупился дьякон.

— Панихиды служат,—задорно ответил Ипатыч, громыхая холодным кадилом.

— Бесстыжие р о ж и!—рявкнул кладбищенский дьякон.—Кто вам дал право на наше кладбище? Отец Пимен поручил сказать, чтобы вы все немедленно убирались отсюда вон.

— А вот это знакомо вам с отцом Пименом?—спросил Ипатыч, показывая дьякону огромный кукиш.

— Хам!—рявкнул кладбищенский дьякон, сжимая кулаки.

— Сам хам!—тоже рявкнул воздвиженский плечистый дьякон, вставая впереди тощего Ипатыча.—Не смеешь лаяться, ежели мы здесь по желанию верующих прихожан.

— Вот именно, по желанию—закивал толовой отец Герасим.—Мы что, наше дело сторона. А верующие пришли и попросили, чтобы мы пришли. Вот мы и пришли.

— А зачем спасских с покровскими подбили?—угрюмо проворчал кладбищенский дьякон, не зная, что возразить воздвиженским.

— А ежели и они по желанию?—ехидно прищурился Ипатыч.—Гони нас всех, ежели верующих не уважаешь. Ну, гони!

Кладбищенский дьякон, сбитый с толку таким оборотом дела, беспомощно огляделся кругом, кашлянул и молча пошел прочь, поскрипывая новыми сапогами.

— Мошенники и жулики,—с горечью вздохнул он.—Из под носа, можно сказать, добычу вырвали, анафемы.

Максим Флюсов.

По ивановским садам.

1. У соработников.

Сад маленький, но тенистый и приятный. Дорожки посыпаны песком и чисты,—разве только к утру на дорожке увидишь пару-другую окурков, которые, раскинув в разные стороны руки и ноги, молодецки храпят, приветствуя восходящее солнце бормотанием:

— Фи... дружок, еще бутылочку!

В саду, как в самом заправском лесу, происходит тетеревиный ток. Впрочем, рукопашные бывают редко и садовые тетерева предпочитают не тревожить милиции, которая зрит в три у входа в сад.

При саде буфет. Давка ужасная.

Посреди сада курятник, в котором сидят музыканты.

В большом чистом сарае, в углу сада, часов в девять вечера собираются посетители и молча смотрят — часа полтора—на пеструю простыню, отделяющую зрителей от каких то людей, которые громко беседуют, скрытые простыней.

— Пора бы начинать. Одинадцатый час...

— Подождем еще полчасика. Говорят, у Туляковского моста идут трое каких то людей. Может они к нам в театр.

Около одиннадцати простыня раздвигается и перед зрителями появляются накрашенные деревянные куклы, которые ходят, смеются, сидят и повторяют слова, которые кто то кричит им из будки.

Около трех часов утра эта забава кончается и сад пустеет.

2. Сад 1-го мая.

Здесь разгуливает чистая публика. Нарядившись до головокружения, эта публика спесивыми парами, надменными добродетельными семьями, арристокрратически выпятя грудь и ш-ш-шикар-рдно шурша туалетами, благоухая цветочным одеколоном, губной помадой и прочими вонями, сверкая ботинками, лысинами, тростями, перстнями на толстых и жирных пальцах, задыхаясь самодовольством, —эта публика на подобие стаи гусей блуждает перед верандой, на которой ревут, воют, визжат трубы и дудки, грохочут печные заслоны из звонкого железа и барабаны, наводя ужас на лошадей, которые бесятся у входа в сад, если им выпал несчастный жребий дежурить седоков.

И здесь буфет, штопор вездесущий, всемогущее вино-пиво. А дряхлая, плешивая паралитик — Мельпомена*, сверкая парой вставленных костяшек в беззубом рту, хриплым простуженным голосом кричит в публику:

— Совершенно современный репертуар при участии мировых сил Радова и Нельской. Не щадя затрат и сил, будет представлено «Птички певчие»!

Но тщетны мольбы изношенной старухи. Пусто в зале. И бледная кассирша напрасно вопиет из окошечка:

— Купите билетик!

— У меня контрамарка!—извещает каждый новый посетитель, входя в сад.

Один Прохожий.

*Мельпомена — у древних греков богиня театра.

Боевая постановка для театра.

РЕЖИССЕР:—Ума не приложу, какую пьесу ставить? Каждый день в театре пусто.

БИБЛИОТЕКАРЬ:—Поставьте вот эту посудину. Битковый сбор обеспечен.

Дядя Влас и рабочий класс.

(Старая погудка на новый лад).

В армяке в открытым воротом,
С обнаженной головой
Медленно проходит городом
Дядя Влас, старик седой.
На груди—икона медная.
Просит он на божий храм:
— Церковь малая и бедная,
А доходы просто срам!..—
— Поддержите, православные,
Восклицает дядя Влас,—
За деянья ваши славные
Бог заступится за вас!..
Но не слушают рабочие
И проходят, говоря:
— Слишком долго нас морочили
Слуги ворога-царя.
Вера в бога—затемнение,
Всякий бог—пустая ложь...
Да, не более, не менее!..
Нас теперь не проведешь!..
— Лучше сделать отчисление
На воздушный красный флот,
На постройку дома Ленина,—
Говорит кругом народ.
Спрятав думы безотрадные,
Влас уходит, бормоча:
— Ишь, какие стали жадные!
Щедры лишь для Ильича!..—
Не дают ему прохожие
Ни копейки трудовой.
Умирают
«Храмы божии»
По лицу земли родной.

Поэт-попоед.

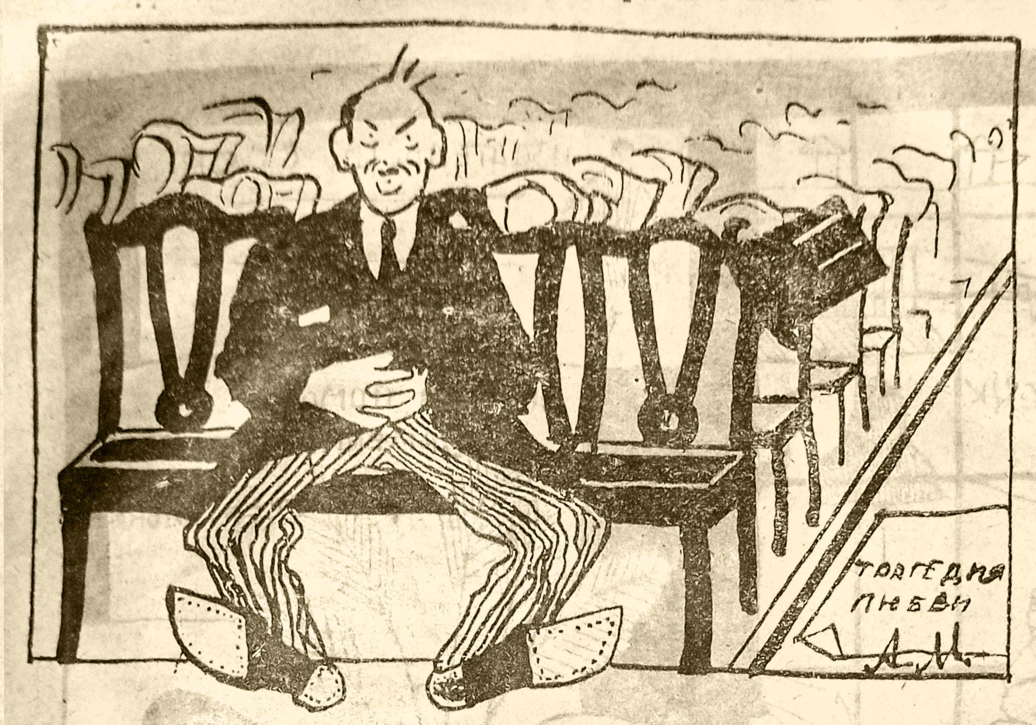
На ивановском вокзале.

— Где бы водички кипяченой достать товарищ?

— Извините-с, этот напиток у нас не в ходу. Вот ежели пива, сколько угодно.

Удовлетворен.

НЭПМАН.—Отличный театр у нас! Для меня одного двадцать артистов работают.

О гривеннике звонком, о разговоре тонком со стальной лютою, пухлою валютою.

В кассы узкое окно,
Где лежал и пух банкнот,
Вкатился,—мал и кривенек,—
Пролетарский гривенник,
Только лишь на стойку он
Лег, от пота мокренький,
На него со всех сторон,
Поднялися окрики.
Зашуршала в критике
Вся валюта веская:
— Лезет, посмотрите-ка,—
— Мелочь к нам советская.
— Почему так мал и худ?!
— Глянь, как вышен—вона я!—
— Спесь тебя не стерпит туг
— Десятичервонная.
— В ряд с тобой—ни лечь, ни сесть:
— Вид—непривлекательный,
— Не порочь ты нашу честь
— В кассе сберегательной.
— Здесь хранить прилично нас—
— С водяными знаками.
— Ты ж,—несчастная шпана,—
— Семячек не лакомей.
Зазвенел в ответ высок
Серебристый голосок:
— Погоди, дай времячко
— Вырасту из семячка.
— Ничего, что мал и худ,
— Все ж—бумаги тверже ведь;
— Приказал рабочий люд
— Мне вас всех поддерживать!
— Как?—
— О том и будет речь
— Этого рассказца:
— Станет равно нас беречь
— Трудовая касса.
Прыснул в треск червонный пук
Хруснул сеткой клетчатой:
— Я еще забавней штук
— Не слыхал чем речи те.
— Как равнять тебя со мной—
— Не роняя чину?—
— Все равно, что—свет дневной
— С дымною лучиной.
— Ах ты, галочье пятно!
— Стоишь ведь—две луковки,
— А на мне—и штамп цветной,
— И вязь на каждой буковке.
Зазвенел опять высок
Серебристый голосок:
— Я живу, не сетую—
— Мелкою монетою,
— Но без этой мелочи
— Цены—вверх на рынке,
— Ты ж, как в клетке белочьей,
— Прыгал по Ильинке.
— Наш бюджет давно-б зачах,
— Как нам с ним не биться
— Если только в мелочах
— Этих ошибиться.
— Что за жизнь у нас была
— Долго помнить надо еще:
— Становились все дела
— При валюте падающей.
— А тебя прибрать к рукам
— Примерялся нэпман,
— Помнишь это ты и сам
— Все великолепно.
— Ни скопить,—ни сберечь
— Тебя было рабочему
— Как не двигать сильных плеч
— В работе день и ночь ему.
— И пока он спину гнул,
— С нэпом церемонясь,
— Черной биржи шум и гул
— Поднимал червонец.
— Поднимал на высоту
— Фокусами всякими—
— Что рабочему тут
— Предпринять с денбзнаками.
— Да не век была горда
— Спекулянтская орда:
— Пожили, побегали
— И в Турухтанск поехали!
— Там надолго им засесть,
— Где погода резкая..
— Для рабочего же—весть
— Серебро советское.
— Ведь по гривеннику он
— В пику толстой роже—
— Коллективный миллион
— Сразу в кассу вложит.
— Не пущу в эту дверь
— Дряблой лени я.—
— Наше дело теперь
— Накопление
— Трудовою массою
— Станем перед кассою
— Иностранным займам
— Не дадимся внаймы.
Поднялся тут новый спор:
Доллары и франки
Горячо вступили в хор
В этой перебранке.
— Мы гости иностранные
— Склонны к иным идеям
— Намеренья гуманные
— Вас просветить имеем!
— Ну ка, доллар, не солги
— Расскажи без крика
— Не признать ведь им долги
— Было-б прямо дико!
Доллар тут запел альтом
Так пропагандируя:
— Дайте с вас мне снять пальто
— Починю вам дыры я.
— Подтвердить вам может франк,
— Мы вас вылечим от ран,
— Подпишите все счета
— И вас не тронет нищета.
— Трудно вам по капле ведь
— Сызнова накапливать!
— Если ж мы дадим вам в долг
— Сразу будет виден толк.
Но взвился опять высок
Серебристый голосок:
— Не давайте нам заем
— Мы долгов не признаем.
— Мы проходим без манжет,
— Не зря рука мозолится,
— А поправим свой бюджет
— Выпустивши золотце.
— Я вам песню спою
— Правду чистую,
— Про судьбу про свою
— Серебристую.
— Хоть бедны города—
— Тем не менее,—
— В них—и сил и труда,—
— Накопление!
— Потерпел спекулянт
— Поражение,
— Выполняется план
— Сбережения,
— Нынче в каждом селе
— Твердо мнение:
— В кассу деньги!—Целей!
— Накопление!!
— Государство само
— Не устроится:
— Если ж—каждый помог
— Сил—утроится!
— Слушай тужащие—
— К черту прения!
— Наше будущее—
— В накоплении!
От подобной песенки
Доллар вниз по лесенке,
Даже сам английский фунт
Влез в последнюю графу.
Лишь червонец стал краснеть
Словно солнце по весне,
Наливался теплотой—
И стал тяжелый золотой.
Как? о том и длилась речь
Этого рассказца:
Труд и силу нам беречь
Помогает касса!

Н. Асеев.

Трехполье-бездолье.

«С мест ежедневно поступают сообщения о переходе крестьян на многополье».

«Р. Кр.».

Где трехполье,
Там бездолье,
Недостатки и нужда.
Переход на многополье—
Торжество труда.

Сия трудная операция называется: сбор репараций.

О самогоне.

«Крестьяне д. Лужков, Шуйск. у., пропили колеса пожарной машины»..
«Р. Кр.».

«Руси есть веселье пити»,—
Князь Владимир говорил.
Ну, и пил, а вместе с князем
И народ несчастный пил.
Нет Владимира и вымер
Весь его проклятый род,
Но наказ, что дал Владимир,
До сих пор блюдет
Народ.
Сторона моя, сторонка,
Аль еще не видно зги?
Темнота да самогонка—
Наши вечные враги.
«Руси есть веселье пити»...—
Прочь владимиров завет!
Пейте знанья и копите
Волю, разум, мощь и свет!
Родная картинка.

Семен Овский.

Из кулька в рогожку.

(Моментальная фотография.)

Гражданин в чесучевом летнем костюме, белой шляпе и желтых башмаках высморкался в клетчатый, надушеный платок, оправил золотое пенснэ, вздохнул, закурил толстую папиросу из серебряного портсигара с массивной *золотой монограммой*, сверкнул бриллиантом на мизинце и сказал горько:

— Не живешь, а влачишь существование. Бьешься рыбой об лед, из кулька в рогожку треплешься, через пень—колоду... Эх-ма!

Он глубоко вздохнул. Его сосед в лакированных ботинках тоже вздохнул. В саду, где они сидели, играла печальная музыка, дорожками шуршали нарядными туалетами изящные женщины, в буфете хлопали пробки и звенела посуда, из самых темных углов сада по обычаю доносился кокетливый визг, бодрое молодое ржанье и смачные протяжные поцелуи.

— По профессии я инженер, свое дело знаю отлично, до революции получал 700 рублей, а сейчас 83 рублика—как жить на это?—с горестью продолжал гражданин в желтых башмаках. С голоду помирать, на веревке давиться, в омуте топиться, а?

— М-м-да!—подтвердил сосед.—Трудно!

— Не трудно, а просто невозможно!—с жаром подхватил инженер.—Давайте-ка, посчитаем? Слушайте!

Он загнул один палец, сверкнув бриллиантом на другой руке.

— Имею, значит, 83 рубля ежемесячно. Дальше. Семья у меня: я сам друг с женой, трое детей, брат студент, своячченица на балетных курсах, теща и две прислуги. Итого, значит, десять душ и ртов. Работник я один. Так?

— Так,—согласился сосед.

— Считаем расходы.

Сверкнув двумя бриллиантами, говоривший начал загибать пальцы по каждой статье расхода особо.

— Квартира тридцать рублей в месяц, дрова десять, прислуге тридцать, за воду—электричество семь, брату ежемесячно сорок, своячченице пятьдесят, на стол полтораста, на одежду—обувь кладу в среднем двадцать, жене на булавки пятьдесят, то-да-се, глядишь, еще пятьдесят. Ну, да ладно, этим, самым необходимым, кроме прочих расходов, и ограничимся. Это выходит в общем... тридцать, да десять, да тридцать...

— Всего выходит четыреста тридцать семь,—подсказал сосед.

— Вот видите, какая прорва. А я получаю восемьдесят три.

— Так, как же вы?—с состраданьем спросил сосед.

— А кое как, из кулька в рогожку, рыбой об лед бьешься... Эх, да что тут. Пойдемте лучше поужинаем маленько. Горькая наша жизнь, тяжелая, хоть суму на плечи надевай.

Приятели оба вместе вздохнули и пошли. Через несколько времени, все еще храня грустное выраженье на лице, человек в желтых башмаках заказывал служащему буфета:

— Приготовьте нам солянку осетровую, да чтобы капорцев побольше положили. На второе дайте ветчину в малаге. Ну, бутылку портвейна получше, да бутылочку игристого заморозьте. Фрукты у вас есть какие нибудь?...

В саду попрежнему рокотала печальная музыка, шуршали платья, раздавался визг, ржанье, хлопки пробок, словом — все было очень грустно, как грустная физиономия человека с окладом в восемьдесят три рубля в месяц.

Квадрат Кубов.

Кооперация и частная обдирация.

Зачем ходить мне к частным торгашам?
Они, конечно, рады барышам.
Но к ним я не пойду. Ведь госторговля мне
Отпустит все лишь *по своей цене*!
Мне ненавистен частный живоглот,
Набивший свой бумажник и живот.
Его карманы—во!
И чрево тоже—во!
Но он не производит ничего.
Послушай, частный мародер—торгаш,
Ты ничего без фальши не продашь.
Ты грабишь бедняков. А потому
Я ни рубля тебе не положу в суму.
И всякий, у кого есть ясный, здравый ум,
Поддержит не тебя,
А ЕПО или Гум.
И там и тут,
Хозяин—честный Труд,—
Строитель нового, простой рабочий люд!

А. Т.

Необходимое подражение.

«Порубки в лесах не прекращаются...»
(Из деревенского письма.)

Жалко мне леса и больно до слез:
Сколько тут было кудрявых берез!
Там из-под старой нахмуренной ели
Красные гроздья калины глядели...
Вдруг лесорубщик пришел с топором.
По—лесу—треск, и смятенье, и гром.
Сосны поникли и дуб задрожал.
Заяц послушал и вон побежал...
Вскоре поехал мужик по базарам,
Отдал деревья почти-что задаром,
Много-бы лесу мужик загубил,
Если-б не пойман лесничими был.
Строго теперь лесорубщиков судят.
Что-то несчастному будет?...

Юр.

Неприятная птица.

В Гарелинском парке по ночам хулиганы избивают прохожих. Милиция должна принять меры.

Из письма „Раб. Край"

ХУЛИГАН.—Чу, опять милиция засвистела. А я думал со скуки кому нибудь ребра вышибить.

Тоже из клубных мотивов.

Когда в клубе пусто?
Когда в пивной густо?

Ломая, строим!

«Сломана церковь Александра Невского. Рабочие производят отчисления на дом Ленина».
Из «Раб. Кр.».

Для затемнения народного ума
Торговая сума
Неутомимо строила соборы.
Они росли повсюду, как грибы,—
В сусальном золоте и кружеве резьбы,—
А рядом гнили хилые заборы,
Да жалко горбилось подобие избы.
Теперь—не то. Народ не ходит в храмы.
(Лишь старички да набожные дамы
Не могут не ходить туда).
Повязка спала с глаз труда!
И вот, ломая храмы и соборы,—
Амвоны, алтари, притворы,—
Мы строим тут и там—
Народные дома
Для просветления рабочего ума,
Мы строим новые рабочие поселки,
В которых повольней вздохнет рабочий люд...
Пусть слезы льют
Глупцы и богомолки,—
Улыбками цветет
Здоровый бодрый труд!

С. Челноков.

Здесь, Палочки.—Про музей напечатаем, остальное не пойдет.

С. Шолоховское Кинеш у., Невыразимо Грустному.—Рассказ Марфа будет напечатан в Красном Ткаче. Присыл для Веселого невыразимо скучен.

Рабкору № 11, Кохма.—Ждем обещанного материала.

Шуя, королю пик.—Плохо больше не надо.

Шуя, Кимаю.—В этом номере печатаеся последнее из принятого. Пора возобновить присылы.

Середа, Нетерпеливому.—Не пойдет потому, что ваше изделие обычное в наше время стихотворное помешательство, а не творчество.

Худ. Реутову.—Рисунки слабы.

Здесь, Старому Перу.—«Дайте мне несколько тем, я вам напишу для вашего журнала»—обещает Старое Перо. А еще няньки не потребуете, Перо?

Слесарю с завода.—Частушки хороши, напечатаем. Продолжайте записывать их.

Рабфаковцу из Москвы.—Не втирайте очки и не важничайте «сотрудничеством в столичных изданиях». Все равно не напечатаем. Бездарно.

Кинешма, сторожевому Петру.—Про пивные не пойдет, надоела эта дрянь. Стихами воспользуемся.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

Неунывающий

Ехидный

Хозрасчетливый

(но недорогой).

ТОЛЬКО ЗА 7 КОПЕЕК.

и без всяких упылок, утечек, усушек, калькуляций и прочих коммерческих вывертов

ВЕСЕЛЫЙ ТКАЧ.

В изящной упаковке из отличной бумаги с каррикатурами, шаржами, зарисовками

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО
БУДЕТ ОТПУСКАТЬ
НА СТО ЧЕРВОНЦЕВ СМЕХА.
БОДРОГО, ЗДОРОВОГО.

ВНИМАНИЕ! Мещанам, совдуракам, пьяницам, бездельникам, торгашам, попам, казнокрадам, меньшевикам, эсерам, плохим хозяйственникам, спекулянтам и остальной болотной мошкаре

Бесплатная премия:

1. Вагон неприятностей.
2. Тысячи ушибов.

Примечание: Оптовикам, посредникам, частным хозяйчикам никакой скидки, рассрочки и кредита.

ЕЩЕ РАЗ ВНИМАНИЕ! При подписке на месяц—рабочему читателю в четыре раза больше удовольствия, а Веселому Ткачу **30 коп. подписной платы.**

Второе примечание: Нерасчетливые люди, избегая подписки, а покупая в розницу, расходуют лишний пятачок в неделю, двадцать копеек в месяц, а в год два с половиной червонца, сиречь золотую наличность демократической Германии и ежедневную выручку кооперативного магаз. в нашем засоренном семячками городе.

ВЕСЕЛЫЙ ТКАЧ квартирует на Михайловской ул. в Ив.-Вознесенске (вместе с газетой Рабочий Край и журналом Красный Ткач). Телефоны: Редакции 2-14 и Конторы 3-23.

Типо-литография „КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ“ Книгоиздат. Т-ва „Основа“. Ив.-Возн. Гублит № 1105. Тираж 3500.